

Опасный сосед

Ох! Дайте отдохнуть и с силами собраться!
Что прибыли, друзья, пред вами запирайтесь?
Я все перескажу: Буянов, мой сосед,
Имение свое проживший в восемь лет
С цыганками, с б...ми, в трактирах с плясунами,
Пришел ко мне вчера с небритыми усами,
Растрепанный, в пуху, в картузе с козырьком,
Пришел — и понесло повсюду кабаком.
«Сосед, — он мне сказал, — что делаешь ты дома?
Я славных рысаков подтибрил у Пахома;
На масленой тебя я лихо прокачу».
Потом, с улыбкою ударив по плечу:
«Мой друг, — прибавил он, — послушай: есть находка;
Не девка — золото; из всей Москвы красotka.
Шестнадцать только лет, бровь черная дугой,
И в ремесло пошла лишь нынешней зимой.
Ступай со мной, качнем!» К плотскому страсть имея,
Я — виноват, друзья, — послушался злодея.
Мы сели в обшивни, покрытые ковром,
И пристяжная вмиг свернулася кольцом.
Извозчик ухарский, любуясь рысаками:
«Ну! — свистнул, — соколы, отдернем с господами».
Пустился дым густой из пламенных ноздрей
По улицам как вихрь несущихся коней.
Кузнецкий мост и вал, Арбат и Поварская
Дивились двоице, на бег ее взирая.
Позволь, Варяго-Русс, угрюмый наш певец,
Славянофилов кум, взять слово в образец.
Досель, в невежестве коснея, утопая,
Мы, парой двоицу по-русски называя,
Писали для того, чтоб понимали нас.
Ну, к чорту ум и вкус! Пишите в добрый час!
«Приехали», — сказал извозчик, отряхаясь.
Домишко, как тростник от ветра колыхаясь,
С калиткой на крюку представился очам.
Херы с Покоями сцеплялись по стенам.
«Кто там?» — нас спросил охрипый голос грубый.
«Проворней отворяй, не то — ракалюю в зубы, —
Буянов закричал, — готовы кулаки»,
И толк ногою в дверь; слетели все крюки.

Мы сгорбившись вошли в какую-то каморку,
И что ж? С купцом играл дьячок приходский в горку;
Пунш, пиво и табак стояли на столе.
С широкой задницей, с утрями на челе,
Вся провонявшая и чесноком и водкой,
Сидела сводня тут с известною красоткой;
Султан Селим, Вольтер и Фредерик второй
Смиренно в рамочках висели над софой;
Две гостьи дюжие смеялись, рассуждали
И Стерна Нового как диво величали.
Прямой талант везде защитников найдет!
Но вот кривой лакей им кофе подает;
Безносая стоит кухарка в душегрейке;
Урыльник, самовар и чашки на скамейке.
«Я здесь», — провозгласил Буянов-молодец.
Все вздрогнули — дьячок, и сводня, и купец;
Но все, привстав, поклон нам отдали учтивый.
«Ни с места, — продолжал сосед велеречивый, —
Ни с места! Все равны в борделе у б...ей.
Не обижать пришли мы честных здесь людей.
Панкратьевна, садись; целуй меня, Варюшка;
Дай пуншу; пей, дьячок». И началась пирушка!
Вдруг шепчет на ухо мне гостья, на беду:
«Послушай, я тебя в светлицу поведу;
Ты мной, жизнечок, останешься доволен;
Варюшка молода, но с ней ты будешь боле;
Она охотница подарочки дарить».
Я на нее взглянул. Чорт дернул! Так и быть!
Пошли по лестнице высокой, крючковой;
Кухарка вслед кричит: «Боярин торговатый,
Дай бедной за труды, всю правду доложу,
Из чести лишь одной я в доме здесь служу».
Сундук, засаленной периною покрытый,
Огарок в черепке, рогожью пол обитый,
Рубашки на шестах, два медные таза,
Кот серый, курица мне бросились в глаза.
Знакомка новая, обняв меня рукою:
«Дружок, — сказала мне, — повеселись со мною;
Ты добрый человек, мне твой приятен вид,
И, верно, девушке не сделаешь обид.
Не бойся ничего; живу я на отчете,
И скажет вся Москва, что я лиха в работе».
Проклятая! Стыжусь, как падох, слаб ваш друг!
Свет в черепке погас и близок был сундук...
Но что за шум? Кричат. Несется вопль в светлицу.
Прелестница моя, накинув исподницу,
От страха босиком по лестнице бежит;
Я вслед за ней. Весь дом колебелется, дрожит.
О ужас! Мой Сосед, могучею рукою
К стене прижав дьячка, тузит купца другою;
Панкратьевна в крови; подсвечники летят,

И стулья на полу ногами вверх лежат.
Варюшка пьяная бранится непристойно;
Один кривой лакей стоит в углу спокойно
И, нюхая табак, с почтеньем ждет конца.
«Буянов, бей дьячка, но пощади купца», —
Б... толстая кричит сердитому герою.
Но вдруг красавицы все приступают к бою.
Лежали на окне «Бова» и «Еруслан»,
«Несчастный Никанор», чувствительный роман,
«Смерть Роллы», «Арфаскад», «Русалка», «Дева солнца»;
Они их с мужеством пускают в ратоборца.
На доблесть храбрых жен я с трепетом взирал;
Все пали ниц; Сосед победу одержал.
Ужасной битве сей вот было что виною:
Дьячок, купец, Сосед пунш пили за игрою,
Уменье в свете жить желая показать,
Варюшка всем гостям старалась подливать;
Благопристойности ничто не нарушало.
Но Бахус бедствиям не раз бывал начало.
Забав невинных враг, любитель козней злых,
Не дремлет сатана при случаях таких.
Купец почувствовал к Варюшке вожделенье
«А б..., в том спору нет, есть общее именье».
К Аспазии подсев, дьячку он дал толчок;
Буянова толкнул, нахмурившись, дьячок;
Буянов, не стерпя приветствия такого,
Задел дьячка в лицо, не говоря ни слова;
Дьячок, расхоробрясь, купца ударил в нос;
Купец схватил с стола бутылку и поднос,
В приятелей махнул, — и сатане потеха!
В юдоле сей, увы! Плач вечно близок смеха!
На быстрых крыльях веселие летит,
А горе тут как тут!.. Гнилая дверь скрипит
И отворяется; спокойствия рачитель,
Брюхастый офицер, полиции служитель,
Вступает с важностью, в мундирном сертуке.
«Потише, — говорит, — вы здесь не в кабаке;
Пристойно ль, господа, у барышень вам драться?
Немедленно со мной извольте расквитаться».
Тарелкою Сосед отвечивал ему.
Я близ дверей стоял, по счастью моему.
Мой слабый дух, боясь лютейшего сраженья,
Единственно в ногах искал себе спасенья;
В светлице позабыл часы и кошелек;
Через бревна, кирпичи, чрез полный смрада ток
Перескочив, бежал, и сам куда не зная.
Косматых церберов ужаснейшая стая,
Исчадь адово, вдруг встала предо мной,
И всюду раздался псов алчных лай и вой.
Что делать! Я шинель им отдал на съеденье.
Снег мокрый, сильный ветр. О! Страшное мученье!

В тоске, в отчаянье, промокший до костей,
Я в полночь наконец до хижины моей,
О милые друзья, калекой дотащился.
Нет! Полно! Я навек с Буяновым простился.
Блажен, стократ блажен, кто в тишине живет
И в сонмище людей неистовых нейдет;
Кто, веселясь подчас с подругой молодою,
За нежный поцелуй не награжден бедою;
С кем не встречается опасный мой Сосед;
Кто любит и шутить, но только не во вред;
Кто иногда стихи от скуки сочиняет
И над рецензией славянской засыпает.

1811